

Ленинградские страницы

Продолжение. Начало в № 2, 6, 2012

Блокадные воспоминания написаны двумя сёстрами – Гинзбург Симой Борисовной и Бергер Розой Борисовной

БОМБЁЖКИ И ОБСТРЕЛЫ

В первых числах сентября произошёл большой налёт на Ленинград. Раздался мощный рёв самолётов, за ним следовали взрывы, режущий воздух лязг и скрежет, пронзительный свист, неистовый вой сирен, ответный гром зениток. Также начались обстрелы из дальнобойных орудий. Они продолжались и днём, и ночью.

Вражеские войска подошли близко к Ленинграду, в отдельных местностях можно было видеть немецких солдат из бинокля и слышать их голоса.

Воронья гора в Дудергофе (ныне посёлок Можайский) – господствующая над окрестностями высота, около которой наша семья ещё в июне жила на даче, имела огромное значение в битве за Ленинград. В 1941 году здесь были установлены тяжёлые орудия, снятые с крейсера «Аврора». Шли ожесточённые бои за овладение горой, затем Воронья гора, занятая фашистскими войсками, использовалась для обстрела Ленинграда. Фашистские захватчики превратили гору в мощную крепость. Она была опоясана траншеями, отсюда обстреливался город из дальнобойных орудий. (Мы – бывшие дачники Дудергофа – после объявления войны ещё долго не возвращались в город и были свидетелями оборонительных работ, маскировок и рытья траншей).

Ничто сейчас в Можайском не напоминает о войне, но жива здесь память о погибших. В Можайской средней школе создан военно-исторический музей, экспозиция которого рассказывает об их подвигах.

В сентябре 1941 года кольцо окружения вокруг города замкнулось, и подача продовольствия по суше прекратилась, по этой причине для изготовления пищевых заменителей использовать можно было только то сырьё, которое оставалось в осаждённом городе.

Был разработан режим получения гидроцеллюлозы или древесной, пищевой целлюлозы и с её 15% добавкой получен опытный образец «блокадного хлеба». После получения согласия медиков был начат промышленный выпуск разработанного продукта на нескольких предприятиях города, в том числе и на фабрике «Гознак». Таким образом, продукция этой фабрики помогла выжить Ленинграду в годы войны.

Фабрика «Гознак» находилась на противоположном берегу Фонтанки, наискосок от нашего дома. На неё и на жилые дома, где проживали работники фабрики, было сброшено огромное количество зажигательных бомб-«зажигалок», но иногда бомбы попадали и на близлежащие здания, в том числе и во двор-колодец нашего дома.

Мама с тётёй были на дежурстве, а мы, дети, оставались дома с бабушкой. Бабушка спустилась в подвал лестничной клетки за дровами для буржуйки. Она погрузила поленья дров в мешок и взвалила груз на спину. Мы сидели около буржуйки; маленькая Галка ещё не умела ходить, она плакала, сидя на диване, и просила есть.

Неожиданно раздался страшный рёв, свист, что-то очень тяжёлое рухнуло рядом на землю. Наш 6-этажный дом «вздрогнул» и «подпрыгнул» от взрывной волны. Завыли сирены. Мы спешно побежали вниз, забыв на диване плачущую Галку. Мы вернулись, закутали её в одеяло и спустились до второго этажа, на площадке которого увидели нашу бабушку, лежащую на мешке с дровами. Мы помогли ей подняться и вместе побежали в бомбоубежище.

Наутро мы решили разведать, что же произошло накануне. Разрушений не обнаружилось, но на проезжей части улицы Лабутина (бывшей тогда Пря-

мились к Мариинскому театру в поисках укрытия. Однако входы в театр были закрыты и заколочены. Люди стояли вплотную, прячась друг за друга, боясь пошевелиться.

Когда всё смолкло, мы побежали в сторону улицы Декабристов и увидели

слева от себя огромное здание – горело какое-то высокое здание. Мы вместе с толпой людей устремились к аптеке, окна и витрины которой были разбиты вдребезги. Там мы немного передохнули, а когда снова вышли на улицу, увидели толпу людей ещё большего размера. Здание, теперь уже справа от нас, продолжало гореть ярким пламенем. Кто-то из толпы выкрикнул: «Горит «Дом-сказка!»»

Так мы стали свидетелями ещё одного важного и печального события истории города Ленинграда.

Вот небольшое описание этого дома, который в народе получил название «Дом-сказка», или Дом Анны Павловой, так как знаменитая балерина снимала здесь квартиру. Это доходный дом П.И. Кольцова архитектора А.А. Бернардацци, в стиле модерн, годы постройки 1905 – 1907, расположен по адресу: улица Декабристов, 60. Его строили как дивный терем. До войны он был одним из красивейших в городе. Здание поражало своеобразием архитектурных деталей и необычной красотой: окна и балконы причудливой формы, красивая угловая башня, облицовка стен природным камнем и

нает о войне, но жива здесь память о погибших. В Можайской средней школе создан военно-исторический музей, экспозиция которого рассказывает об их подвигах.

Вскоре и наш, Октябрьский, район был подвержен вражеским нападениям.

Однажды мы с сестрой оказались во время вражеского налёта на Садовой улице, вблизи Никольского сквера. Проходим куда было укрыться. Единственным убежищем для толпы оказался общественный туалет – одноэтажный домик желтоватого цвета, который и до сих пор несёт свою службу под тихим небом, без назойливого и угрожающего гула.

По возвращении домой, проходя через второй двор, мы увидели мальчишек нашего двора, сидящих на крыше мусорного сарая и собирающих ещё не остывшие осколки снарядов.

Был налёт и на Садовую улицу около Лермонтовского проспекта. Во время этого налёта погиб сын папиного друга – старшеклассник школы № 44, ныне № 260. Юноша просто направлялся в кинотеатр «Ударник» на очередной сеанс фильма «Девушка с характером».

Обстрелы из артиллерийских орудий, налёты с воздуха иногда происходили одновременно, тогда положение становилось особенно опасным.

Вражеские бомбардировщики целились в определённые здания-мишени, имевшие огромное значение для обороны или сопротивления врагу, в здания предприятий города, которые были перепрофилированы на выпуск продукции военного значения. Таким предприятием была бумажная фабрика «Гознак» – лидирующее по производству высококачественной бумаги по заказам Центробанка РФ, для печатания банкнот и ценных бумаг. Изготавливались также облигации, акции, бланки паспортов, почтовые марки.

С началом войны фабрика «Гознак» переклонила на изготовление военных заказов, в том числе на освоение одного из заменителей пищевых продуктов и их заменителей из непившего сырья. В конце сен-

Мы были свидетелями одного из этих попаданий.

Было это осенью 1941 года. Воздушные тревоги не прекращались в течение нескольких дней. Неожиданно всё стихло. Мама вернулась с дежурства, пришла за нами в бомбоубежище и со словами: «Давайте поедим спокойно у себя дома» – повела нас в нашу квартиру. Небольшой столик стоял на кухне в простенке между входами в комнаты.

Мама разогрела еду на керосинке, мы сели за столик...

И вдруг раздался голос диктора: «Воздушная тревога!» Затем резкий свист и грохот! Взвилось стеганное одеяло-маскировка на кухонном окне, зазвенели стёкла, огненное пламя ворвалось в кухню. Во дворе что-то грохнуло, люди кричали, орала ручная сирена.

Мы помчались вниз и увидели посередине первого двора ещё горящую «зажигалку». Жильцы дома спешно засыпали её песком.

После этой бомбёжки мы снова несколько дней ютились в бомбоубежище.

Мы с сестрой Розой были свидетелями ещё одной бомбёжки, произошедшей в нашем микрорайоне. Однако бомба в этот раз была потяжелее по своим взрывным способностям. Было это зимой 1942 года. Семья нашей тётки Сони всё ещё проживала у нас.

не обнаружилось, но на проезжей части улицы Лабутина (бывшей тогда Пря-

дильной), ближе к нечётной её стороне, недалеко от Лермонтовского проспекта, увидели огромный ров, на дне которого лежала фугасная бомба. Она ещё продолжала дымиться, напоминая людям о своём разрушительном намерении.

Опишу ещё один эпизод бомбёжки, невольными свидетелями которого мы были. Это описание внесёт огромный вклад в историю нашего города.

Уже поздним летом 1942 года, точнее, в конце августа, мама послала нас с Розой навестить родственницу, проживавшую по улице Плеханова, 12.

Мы шли по Садовой улице, затем по набережной Крюкова канала по направлению к Мариинскому театру. Когда мы уже переходили мост, ведущий на Театральную площадь, неожиданно начался налёт немецких бомбардировщиков. Вокруг всё загрохотало, загремело. Люди, бывшие в это время на площади или на ближайших улицах, устре-

или красавицей в городе. Здание поражало своеобразием архитектурных деталей и необычной красотой: окна и балконы причудливой формы, красивая угловая башня, облицовка стен природным камнем и огромным майоликовым панно, выполненными по эскизам Врубеля. Угловой эркер здания завершался изображением птицы Феникс. Фасады были украшены множеством барельефов на сюжеты русских народных сказок.

Во время бомбёжки 1942 года основная часть здания была уничтожена многодневным пожаром. Тушить было некому. После блокады квартиры восстановили и на старом фундаменте возвели новое строение, с планировкой сталинских времен. Украшения не реставрировали. Остатки «Сказки» можно увидеть и теперь во дворе или во внутренних флигелях этого когда-то замечательного здания.

Весной по радио было объявлено сообщение о возобновлении занятий в школах Ленинграда. Учебный год продолжался с весны до осени. Это мероприятие было предпринято для того, чтобы дети могли наверстать пропавший учебный год и то, что упустили в блокадную зиму. К нам домой пришла учительница и записала нас с сестрой не в нашу школу № 260 (в ней располагался военный госпиталь), а в другую – в конце улицы Лабутина. Мы повторяли школьную программу предыдущего класса: я – первого, Роза – третьего. Мы стали регулярно посещать школу, но часто уроки прерывались воем сирены. Во время одного из уроков начался обстрел. Учительница вывела нас в бомбоубежище при школе. После отбоя воздушной тревоги мы пошли по домам. На улице вышли люди, было много осколков, камней и битого кирпича, а на углу пр. Маклина и ул. Лабутина, возле булочной, лежал на земле убитый молоденький милиционер.

В этой главе «Бомбёжки и обстрелы» мы описали все эпизоды разрушений и потерь, которые мы выстрадали вместе с другими ленинградцами, мы вынесли тяжёлое бремя, которое легло на наши неокрепшие детские плечи.